

з. 34
ш. 85
п. 3.
№ 292

Павель Россіевъ.

Фэрерскіе острова.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ,

1907.

ФЭРЕРСКІЕ ОСТРОВА.

I.

Мы простились съ прекрасной родиной Вальтеръ-Скотта, Шотландіей, и плывемъ къ Фэрерскимъ островамъ, которые одни изъ нашихъ географовъ переводятъ: «Овечьи острова», а другіе — «Перистые»; но такъ какъ именно овцы составляютъ все богатство островитянъ, то будемъ называть «Фэреры» — Овечьими. Нашъ пароходъ бороздитъ гладь великаго, глубокаго и вообще пустыннаго Атлантическаго океана, вѣнчаемаго сѣвернымъ и южнымъ полярными кругами; вмѣстѣ съ нами плыветъ лѣтній вечеръ, тихій, ясный и теплый, воскрешаетъ прошлое, и вотъ на память приходятъ герои древняго сѣвера: бонды, конунги, ярлы, викинги, пѣнвившіе своими ладьями этотъ первый изъ океановъ, открывшихся человѣчеству; приходятъ на память и тѣ ирландскіе монахи, которые странствовали съ острова на островъ въ восьмомъ столѣтіи, достигли Фэрерскихъ острововъ, а оттуда поплыли и водрузили крестъ на Исландіи; это было въ 795 году. А лѣтній вечеръ, тихій, ясный и теплый, продолжаетъ между тѣмъ свою чудесную работу: кажется, будто тамъ, въ безбрежной дали, выходятъ изъ воды норманскіе корабли съ блѣдными «пѣннителями моря»; обвѣянные дымкою могучей, исполински-дикой поэзіи, — они, воскресшіе витязи, словно хотятъ крикнуть намъ, какъ они открыли Гренландію...

На палубѣ нѣсколько исландцевъ дружно распѣваютъ свою любимую народную пѣсню; ихъ голоса хриплы, а пѣсня, хотя она и нѣжна, навѣваетъ сонъ на сосѣдей.

Древняя Изафольдъ,
Отчизна дорогая,
Царица горь!
Пока пылаетъ солнце,
А море къ сушѣ льнетъ,
Любовь въ груди цвѣтегъ,—
Живу тобой.

Ахъ! въ дымной гавани,
Что сирота, тоскую я,
Отчизна, по тебѣ.
Вѣдь въ городѣ-то, право,
Такъ тѣсно; вздоръ — забавы;
Смѣшны тамъ наши нравы,
Мы — чужеземцы тамъ.

Въ странѣ безъ горныхъ кручъ
Жить больно да и жутко,
Невыносимъ туманъ.
Страна! ты не согрѣта
Разливомъ чуднымъ свѣта,
Нѣтъ у тебя лица,
Нѣтъ носа, глазъ.

Но выгладить иначе,
Сверкая, горный домъ
Въ выси.
Веселый солнца лучъ,
Обмывшись въ дольной рѣчкѣ,
Скользятъ межъ кручъ
Отъ глетчеровъ до бездны.

Древняя Изафольдъ,
Отчизна дорогая,
Царица горь!
Радость и счастье да будетъ съ тобой!
Такъ мы зываемъ къ Владыкѣ съ мольбой,—
Радость и счастье, доколь въ красотѣ
Міру стоять!

Надо умѣть читать между строкъ, чтобы понять, что Изафольдъ означаетъ Исландію, дымная гавань—гавань Копенгагена, а страна безъ

Рейкьявика!

лица, носа и глазъ—это сама родина принца Гамлета. Двое датчанъ невозмутимо слушаютъ исландскихъ соловьевъ. Звуки патриотической пѣсни уносятся надъ долиной Атлантическаго океана, какъ выражался Александръ фонъ-Гумбольдтъ, къ Оркнейскимъ островамъ, а можетъ-быть, они долетаютъ и до самой Изафольдъ, расплываясь и тая въ ея незабываемыхъ домикахъ.

Оркнейскіе острова — сторожъ Шотландіи съ сѣвера; за ними начинается морская пустыня, съ подводнымъ хребтомъ, съ исполинскими акулами и китами, съ кормилицей Сѣвера — треской и всѣмъ извѣстной сельдью. Сѣверная оконечность Шотландіи непривѣтлива и угрюма, и такъ же угрюмы и непривѣтливы Оркады, т.-е. Оркнейскіе острова; въ сумеркахъ, подъ разливомъ неугасающей вечерней зари, выступаютъ изъ синеватыхъ зыбкихъ пѣдръ скалы безъ острыхъ гребней и зубцовъ, лишь отчасти прикрытыя робкими побѣгами зелени. У подножія ихъ разбивается прибой океана, и освѣжающіе букеты бѣлыхъ-бѣлыхъ брызгъ летятъ въ высь, къ тѣмъ разсѣлинамъ, изъ которыхъ время отъ времени выходятъ большіе бакланы и своимъ карканьемъ вызываютъ на бесѣду черноватыхъ пухфиновъ и шаловливыхъ песочниковъ.

Тамъ и сямъ поднимаются надъ водой плавники морскихъ жителей; киты, разинувъ пасти и пуская фонтаны воды, плаваютъ въ разныхъ направленіяхъ; никто ихъ не пугаетъ.

Оркады — гнѣздо рыбаковъ и охотниковъ за пернатыми, отдѣленное отъ Шотландіи узкою «улицею» — Пентлэндъ: такъ называютъ неукротимый проливъ, грозу старыхъ морскихъ волковъ — корабельныхъ капитановъ, по которому оркнисцы скользятъ, однако, въ своихъ лодкахъ съ такою же отвагою, какъ канадцы на лыжахъ съ высокихъ горъ. Этотъ трудовой муравейникъ обвѣянъ поэзіей старинныхъ сагъ, и одна изъ нихъ неразрывна съ Пентлэндомъ. Вы знаете, отчего солоня его вода? Если не знаете, то вотъ послушайте! У вседержителя Одина былъ сынъ Скъельдъ, отъ котораго произошли скъельдинги; жилъ онъ и управлялъ странною, называемой теперь Даніей, а тогда ей было имя «Божья страна»; Скъельду унаслѣдовалъ на тронѣ сынъ Фридлейфъ, а у Фридлейфа былъ сынъ Фроди, и ему-то, умирая, отецъ передалъ свою корону. Это было тогда, когда правилъ императоръ Августъ и родился Христосъ. Августъ сѣялъ миръ на землѣ, а такъ какъ Фроди считался самымъ могущественнымъ конунгомъ на Сѣверѣ, то стали норمانы называть его Фроди-Миръ. Всѣ тогда жили въ мирѣ и согласіи, не было ни воровъ, ни разбойниковъ, такъ что золотой перстень долго лежалъ нетронутымъ въ Ялангерской пустынѣ. Однажды конунгъ Фроди снарядилъ ладью и отправилъ ее въ Свитюдъ къ конунгу, по имени Фьельниръ, съ приказомъ купить у того двухъ дѣвушекъ, Фенью и Менью, силы необыкновенно

венной, роста исполинского. Въ ту пору находились въ Даніи два такихъ жерновыхъ камня, что никто даже изъ первыхъ силачей не могъ ихъ перевернуть; жернова эти имѣли свойство все перемалывать, что бы ни захотѣлъ мельникъ. Мельницу прозвали Гротти, ее подарилъ конунгу одинъ человѣкъ, и вотъ Фроди повелѣлъ дѣвушкамъ отправиться на мельницу и смолоть его золото, миръ и счастье, отдыхать же онъ разрѣшалъ имъ не болѣе, чѣмъ поеть пѣтухъ, или можно спѣть пѣсню. Вотъ и завели онѣ пѣсню, и пока спѣли да принялись молотъ войско конунгу, нагринулъ владыка моря Мизингръ, убилъ Фроди и захватилъ большую добычу. Такъ кончилъ жизнь свою Фроди-Миръ. Мизингръ увезъ съ собою мельницу, Фенью съ Меней и приказалъ имъ молотъ соль, и чтобы въ полночь онѣ спросили Мизингра, достаточно ли соли, или еще молотъ. Въ полночь соли оказалось мало, но недолго пришлось еще трудиться дѣвушкамъ, корабль вдругъ тонетъ. Корабль утонулъ, въ морѣ образовалась пучина тамъ, гдѣ оно проходитъ сквозь дыру жернова. И море съ тѣхъ поръ просолилось.

Дѣвушки молили

Изо всѣхъ сидъ;

Молодые очень гнѣвались.

Веретено сломалось,

Мельница обрушилась,

Огромный жерновъ

Раскололся надвое.

По горамъ блуждая,

Говорятъ молодежи:

„Теперь мы, Фроди,

Отдыхаемъ вѣласть;

Вдосталь намологи

Мы, дѣвицы“.

Блуждающихъ по горамъ Фенью и Меню только оркнисцы, вѣроятно, и встрѣчаютъ; пѣніе дѣвушекъ-исполиновъ должно хотя отчасти разнообразить тихую, поистинѣ деревенскую жизнь этихъ островитянъ; деревнею вѣетъ даже отъ ихъ столицы, Киркуэля, образовавшагося изъ немногочисленныхъ незатѣйливыхъ домовъ и домиковъ. Кто видѣлъ побережные муравейники Норвегіи и Финляндіи, тотъ безъ труда нарисуетъ себѣ Киркуэль, не блестящій радужными красками и не привлекающій къ себѣ художниковъ. Здѣсь не знаютъ суеты, здѣсь, кажется, не умѣютъ смѣяться. Воздухъ беззвученъ: ни громкаго говора, ни пѣсенъ; только возлѣ промысловыхъ судовъ замѣтенъ нѣкоторый трепеть жизни, нѣкоторое оживленіе, но и тамъ дѣловитость подчиняется вну-

тренней дисциплинѣ, которая удерживаетъ носящихъ ее отъ энергическихъ желаній и сильныхъ ощущеній. Спокойствіе не оставляетъ оркнейскаго рыболова, когда благодѣтельница-сельдь готова провести его спокойствіе не покидаетъ оркнейскаго охотника, когда «перѣ» ускользаетъ изъ его рукъ. Поглядишь: они равнодушно курятъ трубки, равнодушно жуютъ затвердѣвшій, какъ камень, сыръ изъ козьяго молока, равнодушно слушаютъ крикъ черноклювыхъ гагаръ; они равнодушно уходятъ въ море, борются съ грозными валами и спокойно умираютъ. Сѣверяне не словоохотливы, но привѣтливы.

Исторія Оркадъ теряется въ глубинѣ вѣковъ: оркнисскіе овцеводы-птицеловы и китобой считаютъ своими предками «татуированныхъ», т.-е. пиктовъ, отъ чьихъ набѣговъ трепетала Британія; въ пятомъ вѣкѣ; однако, англо-саксы сломили ихъ мощь и потѣснили; пикты слились со шкоттами. Это былъ первый ударъ, нанесенный татуированнымъ, за которымъ послѣдовалъ второй со стороны норвежцевъ, именно: на исходѣ IX столѣтія оркнисцы признали себя данниками норвежскихъ королей, а впоследствии — датскихъ, пока Христіанъ I не заложилъ ихъ королю Шотландіи Іакову III. Выкупить было не на что, — такъ островитяне за Шотландіей и остались навѣки; впрочемъ, связь съ прежнимъ отечествомъ совершенно не порвана: въ устахъ молодыхъ оркадскихъ рыбаковъ и охотниковъ звучатъ иногда стихи исландскихъ поэтовъ. Эти мало кому извѣстны въ Россіи, хотя, напр., балладикъ и философъ Гримуръ Томсенъ *) занялъ бы видное мѣсто въ любой литературѣ; вотъ, въ сильномъ переводѣ, одна изъ его балладъ:

Скачка въ пустынь.

1. Мчися, мчися, конь мой, что есть мочи!

Красный шаръ ужъ гаснетъ надъ горой,

Вьютъ тѣни сумрачныя ночи,

Тускло свѣтятъ глетчеры порой.

Мчись, мой конь! На насъ Творецъ взираетъ

И твой борзый бѣгъ благословляетъ.

2. Мчися, мчися! Тявкнулъ лисъ лукавый

И визжитъ: онъ пьетъ чужую кровь.

Чуешь? Эхо дразнить меня, право...

Или чей-то голосъ слышу вновь?!

Хищники среди вулкановъ рыщутъ,

Всѣхъ, кто дня боится, ищутъ.

*) Гримуръ Томсенъ (1820—1896) былъ однимъ изъ самыхъ видныхъ исландскихъ мыслителей и поэтовъ; его поэзія мрачна, какъ природа его родины.

3. Мчися, мчися, конь мой, на просторы!
 Смутно вижу образы вдали.
 Признаки толятся намъ на горе;
 Конь, поймешь ли ты слова мои:
 Я хочу, товарищъ, чтобъ въ пустынь
 Были только мы съ тобою нынѣ.

II.

Исландцы прославили древнюю Изафольдь и спячь. Плыдемъ отъ Оркадь, напутствуемые шотландскимъ маякомъ. «Одна заря смѣнить другую спѣшить, давъ ночи полчаса». Но эта сѣверная ночь, кутающаяся въ синевато-бѣлую дымку, такъ хороша! Не холодно, а свѣжо; свѣжесть пробѣгаетъ по вашимъ щекамъ и по спинѣ и гонитъ сонъ; въ синемъ небѣ хороводы звѣздъ отливаютъ радужными цвѣтами, но ни одна изъ нихъ не пытается отразиться въ океанѣ, подернутомъ зыбью; пустыня мало-по-малу захватываетъ насъ, и въ воображеніи вдругъ почему-то рисуется иная пустыня: знойная пустыня Африки съ раскаленнымъ пескомъ, вотъ какъ эти волны, подымающимся, волнующимся, перекатнымъ. Нашъ штурманъ—норвежець-норманъ большой мечтатель и говорунъ; обнявшись съ двумя подростками, возвращающимися изъ Кейбенхавна (Копенгагена) къ себѣ на Исландію, онъ рассказываетъ имъ цѣлую повѣсть о морѣ вообще и объ Атлантическомъ океанѣ въ частности. До моего слуха доносится кое-что изъ штурманской лекціи: «Атлантическій океанъ наиболѣе глубокъ за Антильскими островами, достигая тамъ 8340 метровъ... Человѣчество медленно завоевывало океаны: цѣлыя столѣтія оно пользовалось услугами одного Средиземнаго моря, и только впоследствии предъ геніемъ человѣка открылся весь необъятный просторъ Атлантического океана, а потомъ упала завѣса, скрывавшая океаны Индійскій и Тихій... Земная влага, текущая въ океаны, на половину сливается съ Атлантическимъ океаномъ, удѣляя другую половину остальнымъ бассейнамъ... Атлантическій океанъ—это граница между народами востока и запада», и такъ далѣе, и такъ далѣе. Штурманъ, мальчуганы и я—мы всѣ мысленно перелистываемъ страницы исторіи и географіи и, не признавая разстояній и времени, чудесно странствуемъ по всему океану, какъ капелька воды, которая, «попавъ отъ мыса Доброй Надежды черезъ Гвинейскій заливъ поперекъ Атлантического океана въ Антильское море и въ Мексиканскій заливъ, движется оттуда обратно черезъ Атлантическій океанъ и достигаетъ Шпицбергена».

Туманяѣ становятся очертавія Оркнехияэи яскаль; островъ Гой вырисовывается сквозь дымку, какъ окаменѣлое исполинское морское

животное; вотъ-вотъ, кажется, и онъ, и Помона, и Оркни, и Стрёма, и Соути Рональда,—словомъ, всё, всё острова погрузятся въ воду и не выйдутъ изъ нея, пока на востокъ не взмахнетъ крыльями «золотой лебедь»—солнце. И вся сѣдая старина, не умирающая на оркнейскихъ скалахъ, всплыветъ опять надъ гладью Атлантики, омывшись въ ея глубинахъ, и снова будетъ манить къ себѣ историковъ, археологовъ и просто любителей дикой природы. Ни оркадцы, ни фæрерцы не боятся, что когда-нибудь отъ ихъ гнѣздъ останется только воспоминаніе,—океанъ возьметъ и разрушитъ острова... Нѣтъ, нѣтъ, этого не можетъ произойти: не доустать ангелы-хранители. Затихше сѣвернаго простора будоражатъ время отъ времени эта религиозная пѣснь, которую старые и малые норманы поютъ съ воодушевленіемъ:

Есть у меня хранитель добрый ангелъ,

И шагу я не дѣлаю одинъ.

На всѣхъ путяхъ спутниками мнѣ

Пять Божьихъ ангеловъ.

Творю ли я свою молитву,

Они ее возносятъ ко Христу;

Пою ль я семь псалмовъ,

Господь заботится о моей душѣ.

По мѣрѣ того какъ приближаешься къ незнакомому желанному мѣсту, всегда овладѣваетъ волненіе; терпѣніе быстро истощается, и безпрестанно спрашиваешь окружающихъ: скоро ли? не видно ли этого мѣста? И когда тебѣ отвѣтятъ: «видно... показались примѣты», — уже новыя чувства овладѣваютъ тобою, и ты превращаешься въ какого-то кулика-непосѣду: не сидится, не можешь и стоять спокойно; перебѣгаешь съ мѣста на мѣсто, ища наблюдательный пунктъ поудобнѣе, всѣмъ мѣшаешь, всѣхъ задѣваешь...

— Какъ узнать Фæреры? — спрашиваю я одного изъ спутниковъ, который не въ первый разъ совершаетъ переѣздъ изъ Европы на Исландію.

— Тамъ мункенъ (монахъ) встрѣчаетъ пароходы.

— Развѣ на островахъ есть монастырь?

Онъ улыбается:

— Монахомъ называютъ уединенный выдающійся рифъ Сумбё-Стейнаръ или Суннбоаръ-Стейнуръ.

«Мункенъ» виденъ далеко. Въ Крыму есть скала съ такимъ же прозвищемъ, но крымскій «монахъ» не имѣетъ столь суроваго вида, какъ этотъ; впрочемъ, атлантическій «мункенъ» не только суровъ, а и величественъ: это — какъ бы вѣковѣчный природный памятникъ христіан-

скимъ проповѣдникамъ, которые, простившись съ родными мѣстами, шли въ очарованную гиперборейми и одноглазыми аримаспами даль. Уже за шесть вѣковъ до Рождества Христова Греція и Римъ знали, что далеко-далеко на сѣверѣ живутъ рудокопы аримасы, понимающіе толкъ въ золотѣ, а за 330 лѣтъ до вилеемскаго событія грекъ Пиоей, какъ нашъ Ломоносовъ, восхищался явленіями полярнаго неба, любовался полночнымъ солнцемъ и красотами сѣвернаго сіянія. Атлантическій «мункенъ» напоминаетъ о монахахъ, которые, взявъ кошницы съ сѣменами евангельскихъ истинъ, поплыли къ сѣвернымъ язычникамъ и стали сѣять среди нихъ. Мункенъ темень, какъ тотъ знаменитый арабъ Абу-Абдалла-Мухаметъ Эль-Эдризи, который въ своей географіи (1154 г.) упоминаетъ о Фарерскихъ островахъ.

Утомленный несмолкаемымъ прибоемъ, монахъ Сумбѣ - Стейнаръ спитъ, стоя надъ водою; точно развалины престола или жертвенника, лежатъ у его подножія малые рифы, черезъ которые бросаются съ яростью волны; закипая и шумя, онѣ обвиваются бѣлоснѣжными змѣями вокругъ Стейнура и, кажется, хотятъ увлечь его въ бездну, тутъ же клокочущую. Милліоны брызгъ разлетаются во все стороны. Въ ясную ночь ярость волнъ, разбивающихся о рифы, взмахи бѣлоснѣжной пѣны, похожіе на лебединый всплескъ, и эти брызги, рассыпающіяся какъ букетъ сказочныхъ цвѣтовъ, — все вмѣстѣ представляетъ плѣнительное зрѣлище, красота котораго еще увеличивается съ солнцемъ: тогда въ брызгахъ играютъ радуги, а бѣлая пѣна начинаетъ отливать пурпуромъ и янтаремъ.

Фарерскіе острова плаваютъ въ тишинѣ; ихъ баюкаетъ чудо океана— Гольфштромъ, теплая рѣка; говорятъ, — это В. Франклинъ открылъ теплый Гольфштромъ; нѣтъ, на него указали людямъ киты, старательно избѣгая теплыхъ водъ. Май и іюнь — лучшая пора на Фарерскихъ островахъ, когда дожди выпадаютъ рѣдко, не то, что въ декабрѣ и январѣ; рѣдко бываетъ и гроза, утихи и бури. Наступаетъ лѣто короткое, хотя и «гадявое» (пріятное), какъ выражаются сибиряки. Островитяне сѣютъ ячмень, часто, впрочемъ, озябающій и поэтому не вознаграждающій сѣятелей за ихъ труды, воздѣлываютъ картофель и свеклу, которые не боятся холода и стоятъ того, чтобы изъ-за нихъ вести упорную борьбу со скалами; вѣдь, надо отвоевать кусочекъ удобной земли, вспахать его и, посадивъ овощи, доказать природѣ, что нѣсколько зеленѣющихъ грядокъ только приукрашаютъ и смягчаютъ ея суровость.

Отъ монаха Суннбоаръ-Стейнура пароходъ направляется къ столицѣ Фареръ—Торсхавну мимо острова Зюдера (Южный); онъ считается здѣшней житницей, но не ласкаетъ взора, какъ, впрочемъ, и вся группа острововъ, раздѣленныхъ узкими, порывистыми, безпокойными фьордами,

заливами-каналами, по которымъ фѣрерцы пускаются на своихъ судахъ не ранѣе, чѣмъ убѣдятся въ благопріятной погодѣ. «Южный» тянется въ длину и почти лишень всякой растительности. Изъ-подъ волнующейся воды выступаютъ камни, лѣпясь другъ къ другу и карабкаясь одинъ на другой: это «урдарь» отъ обваловъ; надъ ними тутъ и тамъ «хамрарь» (террасы), которыя постепенно приводятъ къ «тиндарь» (горнымъ маковкамъ), гдѣ собираются крикливыя чайки и по-своему, можетъ-быть, предупреждаютъ гагъ о грозящей имъ отъ охотниковъ опасности.

«Тиндарь» Южнаго острова не высокъ: высія макушки — это макушки острововъ Остерё (Слаттаратиндуръ) — 882 метра и Стремё (Скьялингсъ-фьельдъ) — 768 метровъ.

Въ тихой гавани Зюдеро, Трангисваагъ, собираются промысловыя суда и пароходы, чтобы забрать добычу, отнятую островитянами у моря и скаль. Сторожь-островокъ словно указываетъ вамъ на бухту; въ вѣнцѣ или изъ голыхъ, или изъ мшистыхъ скаль разбросано нѣсколько хижинъ съ небольшими окнами, крытыхъ травою, которая, за недостаткомъ теса, служить кровлею и для церкви съ башенкою; кажется, нѣтъ поселка на островахъ, гдѣ бы не стояла церковь, бѣдная, простенькая, а то такъ и убогая; большею частью онѣ здѣсь окрашены въ бѣлый цвѣтъ, и эта бѣлизна рѣзко выдѣляетъ Божій домъ отъ всего окружающаго: отъ темно-красныхъ или зеленоватыхъ скаль, отъ почернѣвшихъ хижинъ, отъ сѣроватаго берега, отъ нестрыхъ факторій, понастроенныхъ купцами для склада товаровъ.

Въ Трангисваагѣ долго не загостишь: трудовой муравейникъ! А такъ какъ фѣрерцы промышляютъ въ большихъ размѣрахъ рыболовствомъ и китоловствомъ, то всюду на Фѣрерахъ, гдѣ видно человѣческое жилье, кипитъ работа съ утра до вечера. Рыбаки, жены, сыновья и дочери ихъ день-деньской проводятъ около «даровъ моря», потроша и соля рыбу и расправляясь съ гриндами.

Китообразная длиннозубая гринда (*Globicephalus globiceps*), сверху черная, снизу черно-сѣрая, отмѣчена выпуклымъ отлогимъ лбомъ и низкимъ спиннымъ плавникомъ; одиночества она не любитъ, а собирается въ стада, которыя бродятъ по океану, дразня и сбивая съ толку своими движеніями охотниковъ; какъ тюлене стадо обыкновенно направляетъ «забойщикъ» (атаманъ), такъ и ватагу гриндъ ведетъ «бывалый» дельинъ, такъ сказать, старшій въ родѣ, которому остальные охотно подчиняются. Я не знаю, до какой степени чутка и склонна къ искусству гринда, но что касается до тюленей, то оркадцы подтверждали мнѣ то, что я раньше читалъ, а именно: услышавъ колокольный звонъ, тюлени приближаются къ этому мѣсту и, высунувши изъ воды морды, внимательно прислушиваются къ звукамъ, открывая и закрывая свои блестя-

щие глаза. Часто путеводитель-дельфинъ оказывается невольнымъ предателемъ: ведетъ, ведетъ стадо да и приведетъ близко къ человѣческому жилью, и тогда плохо бываетъ простоватымъ гриндамъ—онѣ становятся добычей охотниковъ. Къ сожалѣнію, я не видѣлъ, какъ онѣ «сами даются въ руки» фѣрерцамъ, а островитяне ихъ «берутъ», но выдавшіе это описываютъ слѣдующимъ образомъ. Появленіе стада гриндъ—цѣлое событіе для островитянъ; съ быстротою молніи проносится вѣсть изъ хижины въ хижину, отъ селенія къ селенію: «гриндабо! гриндабо!» «Гринда!»—одно это слово звучитъ повсюду и отъ острововъ летитъ черезъ океанъ. «Гринда!»—оповѣщаетъ сосѣдъ сосѣда, а самъ уже берется за большой ножъ, предназначенный какъ разъ для морскихъ сраженій; отцы и сыновья вооружаются этими ножами и спѣшатъ къ «ёламъ» (такъ на нашемъ архангельскомъ сѣверѣ называются норвежскія промысловыя лодки). Оттолкнувъ отъ берега ёлы, промышленники торопливо выстраиваются въ боевую линію и тѣсною семьею уходятъ въ океанъ, окружаютъ стадо гриндъ и, въ тактъ весламъ, хоромъ поютъ молитву, чтобы Богъ даровалъ богатый уловъ.

Промышленники стараются загнать стадо (по-архангельски—юрово) на «малваагъ» (низкій берегъ), гдѣ гринды безпомощны и беззащитны; надвигаясь съ противоположныхъ сторонъ на стадо, охотники въ удобную минуту бросаютъ въ гриндъ гарпуны (палки на веревкѣ съ острымъ загнутымъ желѣзнымъ наконечникомъ) и тотчасъ же отплываютъ въ сторону; раненныя животныя поднимаютъ шумъ, суматоху; мечутся остальные, волненіе охватываетъ охотниковъ. Крикъ, гулъ. Хаосъ, да и только. Но время дорого, и промышленники, знай, вонзаютъ въ гриндъ гарпунъ за гарпуномъ, въ то же время гоня бѣдныхъ животныхъ къ «малваагу», на которомъ остальная часть населенія ждетъ дельфиновъ, чтобы докнать ихъ, перерѣзавъ имъ горла. Острые ножи сверкаютъ не только въ рукахъ мужчинъ, но и въ рукахъ бѣлокуроухъ, голубоглазыхъ дѣвушекъ. Умертвивъ добычу, островитяне хотятъ ее использовать: у нихъ идетъ въ дѣло вся гринда; мясо сушатъ, солятъ, ѣдятъ и въ свѣжемъ видѣ, не брезгуя и жиромъ, который подчасъ замѣняетъ сливочное масло. Гренландцы, какъ извѣстно, варятъ супъ изъ морской воды, смѣшанной съ китовой и тюленьей кровью. Фѣрерцы, повидимому, не ѣдятъ такого супа. Шкура, мясо, усъ и жиръ служатъ предметами значительной вывозной торговли; гринда идетъ также на подѣлки: изъ кожи ея дѣлаютъ обувь, ремни, мѣшки, обшивку для лодокъ и т. п., изъ сухожилий вырабатываютъ веревки, а изъ реберъ дѣлаютъ гвозди; эти гвозди заслуживаютъ вниманія, если вспомнить, что человѣчество употребляло металлическіе гвозди еще за 2000 лѣтъ до нашего времени!..

Гриндовый уловъ распределяется такимъ образомъ: опредѣленную

долю получает духовный отец («церковь благословляет трудовые шаги своих дѣтей»), мѣстный представитель власти, наблюдающій за порядкомъ, когда островитяне расправляются на берегу съ гриндами, и указывающій, кому что дѣлать, и учитель—изъ уваженія къ нему. Затѣмъ китобои, пускавшіеся за животными, получаютъ, что заявятъ, а остальное дѣлится поровну между всѣмъ населеніемъ; тотъ, кто первый замѣтилъ стадо и крикнулъ: «гриндабо!» получаетъ голову. Не обдѣляютъ и бѣдняковъ съ убогими. Охота заканчивается, какъ и начинается, общею олитвой.

Въ противоположность гриндамъ, доглинги (*Hyperoodontidae*) появляются въ виду острововъ по-двое, по-трое. «Доглингъ», или «Деллингъ», упоминается въ скандинавской мифологіи какъ богъ, отецъ Дня. Океанскіе доглинги имѣютъ морду, вытянутую наподобіе клюва (отсюда ихъ прозвище: *rostratum*, т.-е. съ птичьимъ носомъ), дыхательное отверстие въ видѣ половины луны въ верхней части лба, на каждой сторонѣ нижней челюсти—одинъ два зуба; хвостовой плавникъ большой, а грудной и спинной—малые.

Лѣтомъ морскіе промыслы въ разгарѣ; тихая и ясная погода—лучшая союзница промышленниковъ-островитянъ; отъ распотрошенныхъ морскихъ «чудищъ» идетъ по рыбачьимъ гнѣздамъ столь тяжелый запахъ, что торопишься сказать гостепримнымъ хозяевамъ: «прощайте!» и бѣжишь подальше отъ этихъ мѣстъ. Фэрерцы, какъ и наши поморы, «обнатурены» (привыкли). Они не чувствуютъ отвращенія къ этому «аромату» и, какъ ни въ чемъ не бывало, глотаютъ отравленный мертвыми гриндами, доглингами и т. п. воздухъ. Тяжелый запахъ преслѣдуетъ васъ повсюду: зайдете ли вы въ церковь, или въ хижину, или приблизитесь къ промысловой лодкѣ и одеждѣ островитянина. И васъ онъ приводитъ въ отчаяніе, а туземцы только добродушно усмѣхаются. Нѣтъ, на Фэрерскихъ островахъ не загостишь!.. Кто плавалъ отъ Архангельска до норвежскаго города Вардѣ, въ царствѣ трески (*Gadus morrhua*), тотъ знаетъ, что это за «прелесть»—рыбный ароматъ...

III.

Неожиданно я встрѣтилъ стараго знакомаго, когда мы «шли» изъ Трангисваага въ Торсхавнъ: это былъ тупикъ (топорикъ, морской попугай—*Fratercula arctica*), которыхъ не мало еще на нашемъ крайнемъ сѣверѣ, именно на Айновыхъ островахъ, принадлежащихъ Печенгскому монастырю; тамъ я и увидаль ихъ въ первый разъ. Топорикъ ростомъ съ голубя, по наруднѣ его. На водѣ морской попугай чувствуетъ себя

именно какъ дома, на землѣ же онъ безпомощенъ, подобно рыбамъ: красныя, точно въ сафьяновыхъ сапожкахъ, ножки плохо служатъ; бѣлое-бѣлое брюшко съ запасомъ нѣжнаго пуха какъ бы притягивается землею, и она, мать, дѣлаетъ топориковы черныя крылья безсильными для взмаха; черны не только крылья, а и спина, и шея, перевязанная такимъ же галстукомъ. Отсталъ отъ скалы, — и, право, словно переродился нашъ рыболовъ: прижавъ къ сине-зеленой водѣ, онъ тотчасъ выпрямляется, повелъ сѣрыми боками и вотъ уже бѣжитъ по океану, хлопя крыльями и брызгая вокругъ себя, и поводитъ толстымъ клювомъ съ наростомъ, краснымъ на кончикѣ, блѣдно-голубымъ у основанія. Обогнувъ Лилле и Стори-Димонъ, мимо срединнаго острова Сандо, подходили мы къ столицѣ «туманныхъ утесовъ»: подъ такимъ именемъ давно сльвуть Фэреры среди мореплавателей и ученыхъ, но теперь — не время для тумановъ. Имъ владѣть зима.

Океанская улица, ведущая къ Торсхавну, съ «урдарами», «хамраами» и «тиндарами» вмѣсто домовъ, спокойна; лишь слабая зыбъ бороздитъ прозрачное лоно. «Бальдъ» — затишье въ фьордѣ, когда, по выраженію островитянъ, океанскія теченія ласкаются другъ къ другу, наѣвааетъ спокойствіе на душу; можно отдохнуть отъ непріятнаго впечатлѣнія, что вотъ-вотъ поднимется вихрь и отъ нашего суденышка да и отъ насъ самихъ останется только воспоминаніе. Въ укромномъ уголкѣ, подъ сѣнью красноватой террасы (хамрара) съ робкими побѣгами вереска, краснозобая гагара расположилась, повидимому, подремать послѣ обѣда, а мы тутъ-какъ-тутъ... Нечего дѣлать, крылатая рыбка тяжело вато приподнялась и свалилась въ воду, взболомутивъ фьордъ и всколыхнувъ водоросль, и такъ она и пропала; зато откуда ни возмись на террасѣ морской попугай: со свойственной ему живостью появился, вспорхнулъ надъ нами и, совершивъ двѣ воздушныя прогулки въ противоположныхъ направленіяхъ, заскользиль надъ волнами впереди нашей лодки; я, признаюсь, обрадовался старому знакомому.

Столичный городъ Торсхавнъ не принадлежитъ къ чудесамъ міра; онъ лежитъ на одной параллели съ Якутскомъ, но выглядитъ гораздо проще русскаго областного города. Ни блеска, ни движенія, ни затѣйливыхъ или величественныхъ зданій... Торсхавнъ — совсѣмъ скромное гнѣздо въ родѣ промысловыхъ становищъ на Мурманскомъ берегу. Скалистый мысъ дѣлитъ бухту надвое: первая часть — виѣшняя, вторая — внутренняя бухта, или одна—Сѣверная, другая—Южная, какъ въ Севастополѣ. Въ хорошую погоду промысловыя и коммерческія суда спокойно покачиваются на якоряхъ во внутренней бухтѣ, которую они торопливо мѣняють на виѣшнюю, коль скоро обнаруживаются признаки бури. Бури свирѣдствуютъ зимою, ужасныя, безпощадныя бури, когда сколоченные

изъ досокъ дома, того и гряди, разрушатся, особенно въ декабрѣ; но вотъ буря пронеслась, вѣтеръ слабѣетъ, волны уже съ меньшей яростью, чѣмъ въ бурю, бросаются на берегъ и на скалы; хочется золотой улыбки солнца—лучей, но они въ эту пору показываются очень рѣдко. Сѣвернѣе дни тянутся одинъ за другимъ, хотя и безъ жгучихъ сибирскихъ морозовъ. Здѣсь не терпятъ отъ мороза, не томятся и отъ зноя; разница между наиболѣе холоднымъ и наиболѣе теплымъ днями въ Торсхавнѣ,—говоритъ извѣстный метеорологъ Ю. Ганнъ,—7,9°; ртуть не опускается до нуля въ то время, какъ въ Якутскѣ (въ январѣ) трещитъ 42-градусный морозъ; тогда въ Торсхавнѣ, какъ и въ Лондонѣ, 3—4° тепла; жители появляются на улицѣ въ визанныхъ фуфайкахъ, безъ пальто и благодушно покуриваютъ трубки. Въ разгарѣ лѣта выше 18—19° не бываетъ.

Опоясанный голыми скалами, простоватый Торсхавнъ ничѣмъ не привлекаетъ путешественника; въ столицѣ Фэрерскихъ острововъ даже нѣтъ гостиницы; тѣмъ не менѣе о пріютѣ и ночлегѣ можно не беспокоиться: островитяне рады гостю и охотно пускаютъ въ свои насквозь пропитанные сыростью домики; бѣда только, что жители говорятъ на древне-норвежскомъ и датскомъ языкѣ и лишь немногіе изъ нихъ понимаютъ все-что по-англійски; они угрюмы, но смущаться не слѣдуетъ: гостепрѣимство, хотя угрюмое, все-таки остается гостепрѣимствомъ, которое не прачется отъ васъ, послѣ того какъ вы переступили черезъ порогъ этого домика, съ тусклыми окнами и съ крышею изрѣдка тесовой, а большей частью дерновой. Неприхотливо убранство дома: простой столъ, простые лавки и стулья, въ углу плита съ желѣзнымъ навѣсомъ или очагъ, кой-гдѣ старинные часы на высокой подставкѣ, нѣсколько фотографическихъ снимковъ на стѣнѣ,—вотъ, пожалуй, и все, что видитъ гость на первыхъ порахъ; погода немного, увидишь и весьма опрятную постель и библию, безъ которой не обходится, кажется, ни одно жилище, такъ какъ религіозное чувство заложено въ островитянахъ глубоко, и оно искренно; за малымъ исключеніемъ, фэрерцы исповѣдуютъ лютеранскую религію.

Островитяне вообще не красивы; средняго роста, бѣлокурые, голубоглазые, они однако производятъ пріятное впечатлѣніе: энергичныя, открытыя, какъ и характеръ, лица у мужчинъ и у женщинъ, довѣрчивый взглядъ и привѣтливость безъ суеты располагаютъ васъ къ нимъ; про фэрерскихъ рыбаковъ можно сказать то же, что сказалъ одинъ путешественникъ про норвежцевъ: они бѣдны и должны прикладывать много труда, подвергать себя опасностямъ, чтобы добывать себѣ дары своей сѣверной природы; но, довольствуясь малымъ, фэрерцы живутъ просто, и, въ сознаніи своей независимости, съ чувствомъ гордаго самодоволь-

ства смотреть на горы своей родины. Любовь къ отчизнѣ у нихъ велика и трогательна. «Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ страны лучше Фарерскихъ острововъ», говорятъ они и, дѣйствительно, съ гордымъ самодовольствомъ смотрятъ на мертвыя, голыя горы. Здѣсь путешественникъ можетъ любоваться величавой и, по-своему, живописной дикостью Столовыхъ горъ («мезы» на азыкѣ испанцевъ) съ плоскими вершинами, на которыхъ, по словамъ старыхъ рыбаковъ, сиживали и переговаривались между собою великаны, создавшіе эти горы. «Столовыя горы Фарерскихъ острововъ,— замѣчаетъ извѣстный географъ Фридрихъ Ратцель,— суть остатки базальтоваго покрова, который нѣкогда разстился по большей части сѣверно-атлантической области; онѣ отдѣлены другъ отъ друга короткими долинами»... Долины эти рѣдко блестятъ яркою, какъ малахитъ, зеленью: обыкновенно травянистая, споровая растительность ихъ неприглядна, и только кроткія, невзыскательныя овцы могутъ довольствоваться такою пищею; пастбища украшены цвѣтами: бѣлѣтъ изящный дріасъ (*Dryas octopetala*), синѣютъ прелестныя незабудки, какъ синѣютъ онѣ и на Новой Землѣ; розовѣтъ «ложная» азалія (*Loiseleuria procumbens*),— подобно дріасу, старый другъ Фарерскихъ острововъ. Рассказываютъ, что она являлась вѣстницей или символомъ новой жизни въ странахъ, пережившихъ ледниковую эпоху. Взираясь на горы, милое растеніе розовѣло какъ заря, какъ молодость; это—ласточка растительнаго міра. Когда Фарерскіе острова окончательно «сбросили» въ океанскія пучины свой ледяной покровъ, земля подарила имъ розовыя азаліи. Тамъ и сямъ алѣетъ кассіопа. Для овецъ дороже всякихъ красивѣйшихъ цвѣтовъ «обыкновенная ожика» (*Luzula campestris*). Она даетъ ранній кормъ. Островитяне, приучившіе къ рыбной пищѣ собакъ, кошекъ, свиней и коровъ, не могли приучить къ ней овецъ.

Здѣсь почти всѣ—овцеводы; нѣсколько десятковъ тысячъ «гейдшнуковъ», маленькихъ, рогатыхъ овецъ, бродятъ въ котловинахъ, пощипывающаго верескъ, или около чистыхъ водъ, которыя онѣ очень любятъ, или жмутся другъ къ другу въ овчарняхъ, плохо защищающихъ ихъ отъ непогоды; эти овчарни стоятъ позади домовъ и часто бывають обнесены заборомъ изъ гриндовыхъ череповъ. Зная, какъ овцы боязливы, трусливы и теряются во время грозы и бури, можно представить себѣ, сколько ихъ гибнетъ на Фарерскихъ островахъ! А между тѣмъ какое это полезное животное! Островитянинъ носитъ шапку съ лежащимъ острымъ концомъ изъ овечьей шерсти; варежки связаны изъ овечьей шерсти же; обувь скатана опять-таки изъ овечьей волны; мясо употребляется въ пищу, изъ молока приготавливаютъ, какъ и въ Голландіи, жирныя, вкусныя сыры. Въ иныхъ странахъ не доятъ чистокровныхъ овецъ, потому что отъ этого уменьшается добыча шерсти, но фарерскія хозяйки объ этомъ

мало заботятся. Съ гейдшнуками не могут равняться коровы и лошади; и тѣхъ и другихъ разводится на Фэрерскихъ островахъ немного: лошадей столько, чтобы хватило для караванной службы,—вѣдь шоссейныхъ дорогъ здѣсь нѣтъ (въ этомъ отношеніи «рыбачье гнѣздо» отстало даже отъ бѣднаго «гнѣзда орловъ» — Черногоріи); и вотъ по скалистымъ тропинкамъ бредетъ навьюченная лошадь за лошадью отъ деревни до деревни, помахивая головой, развѣвая по вѣтру волнистую гривую; четвероногіе «корабли горъ» похожи на нашихъ малорослыхъ башкирскихъ, калмыцкихъ, вятскихъ лошадокъ, которыя хоть и не очень красивы, да зато крѣпки, не требуютъ за собою тщательнаго ухода и неприхотливы на кормъ. Норманы, т. е. жители атлантическихъ острововъ, любятъ коня, и поэтому онъ восхвалялся много разъ въ стихахъ.

IV.

На Овечьихъ островахъ у васъ не спрашиваютъ, какая пища наиболѣе вамъ по вкусу, а подаютъ, что Богъ послалъ; во всякомъ случаѣ, мясныя блюда не первенствуютъ, какъ у англичанъ, уступая рыбнымъ и молочнымъ; рыбакамъ часто приходится питаться исключительно соленымъ мясомъ, которое скоро надѣдаетъ, вселяетъ въ нихъ отвращеніе вообще къ мясу, а главное, порождаетъ скорбутъ (цынгу); поэтому на столѣ у островитянина появляется иногда рядомъ съ водкой и ромомъ также настой ложечной травы (*Cochlearia officinalis*), которую собираютъ на луковинахъ даже дѣти, замѣчая ее среди другихъ растений изъ-за ея широкоовально-округлыхъ листьевъ на длинныхъ черешкахъ. Ложечная травка— настоящая благодѣтельница: настой ея — прекрасное средство противъ цынги. Но если обѣдъ или ужинъ окажутся безъ мяса, зато васъ накормятъ трескою во всѣхъ видахъ, китовымъ мясомъ, скиромъ (это — прессованное густое молоко, любимое датчанами, какъ каша—русскимъ народомъ), сыромъ; для васъ приготовить яичницу изъ вкусныхъ яицъ полярной гагары.

Осенью, когда путешественника уже не привлекаетъ сѣверъ и скалистыя Оркады и Фэреры все чаще и чаще окутываются туманомъ, черноклювыя полярныя гагары (*Colymbi glaciales*) летать къ одинокимъ островамъ, гдѣ онѣ остаются до весны, когда отлетаютъ опять на материкъ выводить и воспитывать дѣтей; многія изъ гагъ однако гнѣздятся и на островахъ. Гагары—красивыя, щеголеватыя птицы, ростомъ съ гуся; сзади на шеѣ перышки съ лиловымъ отливомъ, а по бокамъ — съ зеленымъ, ожерелье—бѣлое; спина—черная съ бѣлыми крапинками; грудь

подбита бѣлымъ, и брюшко все бѣлое съ скрытымъ запасомъ дорогого пуха. Оркадцы и фѣрерцы не ѣдятъ гагарь, да ихъ едва ли и пріятно ѣсть велѣдетвіе того, что птица эта питается рыбою и очень ужъ пахнетъ рыбой, но вотъ яйца гагары вкусны, да и пухъ цѣнится высоко.

Кромѣ черноклювой полярной и краснозобой гагарь, на Фѣрерскихъ островахъ гнѣздятся, хотя и рѣдко, чернозобья (*Columbi arctici*), которыхъ въ опредѣленное время можно встрѣтить по всей Россіи наравнѣ съ воробьями и воровами.

Между тѣмъ вы поужинали. Если хотите, то ложитесь спать: мягкая, чистая постель уже готова. Не хотите, какъ знаете, распорядитесь временемъ. Какъ хорошо, ежели вы успѣли расположить къ себѣ хозяевъ! Въ такомъ случаѣ хозяинъ возьметъ скрипку и заиграетъ, а молодежь протанцуетъ и споетъ для васъ любимую пѣсню фѣрерцевъ.

Одинъ, напримѣръ, запѣваетъ:

О Будли! пѣсню знаю я,
Весело звучить она,
Вспоминая чудно, нѣжно
Сыновей всѣхъ Юекки.

Хоръ подхватываетъ:

Грани несъ пустыней злато,
Обнажаетъ Сигурдъ сталь булата,
Побѣждаетъ онъ дракона—
И понесъ пустыней Грани злато...*)

Старъ и младъ въ Исландіи распѣваетъ: «Древняя Изафольдъ»; старъ и младъ на Фѣрерскихъ островахъ знаетъ пѣсенку о Сигурдѣ, поразившемъ дракона; она передается изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ хижины въ хижину; она слышится въ Трангисваагѣ, и въ Торсхавнѣ, и на самомъ сѣверѣ острововъ Кальзё, Кунё и Віэ.

Хижины то-и-дѣло встрѣчаются въ столицѣ Овечьихъ острововъ среди вообще скромныхъ домовъ. Разыгравшись, океанъ бросаетъ волны на берегъ, и онѣ сверху до низу обливаютъ чисто библейскія, по своей простотѣ, хижины бѣдныхъ рыбаковъ; на мысу такія же жилища и дома получше, хотя обыкновенно воздвигнутыя также изъ камня и земли и травюю крытыя, словно прислушиваются къ говору волнъ, стараясь узнать, когда окрѣпнетъ вѣтеръ, забушуетъ буря или падетъ такой густой туманъ, что въ двухъ шагахъ ничего не видно. Вся семья городскихъ построекъ, образовавшихъ улочки, представляется убогою, сѣрою, лишен-

*) Герой сѣверныхъ сагъ Сигурдъ—побѣдитель дракона, ужаснаго чудовища; это образъ, приближающийся къ образу Егорья Хоробраго. Грани—конь Сигурда.

ною привлекательности, мягкости, — совсѣмъ подъ стать скалистому поясу; столь же убогія церкви не вносятъ ничего новаго въ этотъ муравейникъ: бѣлыя, какъ чайка, онѣ не возносятся надъ мшистыми кровлями, а только выдѣляются своей окраскою; зато бросается въ глаза казенное каменное зданіе съ развѣвающимся надъ нимъ датскимъ флагомъ: здѣсь живетъ амтманъ (намѣстникъ датскаго короля на Фэрерскихъ островахъ и торсхавнскій комендантъ). Надъ входомъ въ торсхавнскій заливъ видится крѣпость. И самая «твердыня», и сторожащія ея пушки пригодны развѣ только для войны мышей съ лягушками. Кромѣ амтмана представители матери-Даніи суть фогтъ да соренскриверъ; первому подвѣдомственно все, за исключеніемъ судебной власти, которая въ рукахъ второго. «Присяжный писецъ» (соренскриверъ) не обремененъ дѣлами, такъ какъ фэрерцы — нравственный, честный народъ; они правдивы и какъ бы составляютъ единую тѣсную семью; обманщикъ и воръ, заклеянные общимъ презрѣніемъ, не могли бы оставаться на островахъ: отъ нихъ бы всякъ отвернулся. Входныя двери домовъ не запираются на ночь, — кто тутъ станеть красть? Въ гавани оживленіе: собралось много шхунъ; тамъ и сямъ лежатъ промысловыя орудія, одежда и ножи охотниковъ — ничто не пропадаетъ; тутъ и тамъ таятся жерди, на которыхъ сушится рыба, заражая воздухъ ворванью и гнилью. И сколько рыбы! Повидимому, стаян какой-нибудь старый или молодой «воробей» нѣсколько штукъ, никто бы и не пожалѣлъ, да и не замѣтилъ бы. Сохрани, Боже! «Воробью» и въ голову не придетъ преступная мысль... Въ иныхъ мѣстахъ, и не по «окраинамъ», а внутри города, зеленѣютъ огородцы или маленькія поля съ рано цвѣтущимъ ячменемъ; къ нимъ подходятъ, на нихъ любятъ, но даже отчаянный шалунъ не осмѣлится ни воспользоваться чужимъ, ни повредить посѣвамъ. Дѣти знаютъ, какихъ трудовъ стоило старшимъ подготовить для посѣва твердую землю, всахаты ея киркою, удобрить рыбами остатками. Удалось добыть крупнаго кита. Мертвое животное лежитъ на берегу, разинувъ пасть; хохлатые бакланы и чайки летаютъ близъ него; это — островные санитары: вѣдь, они, насколько возможно, очищаютъ воздухъ, уничтожая отбросы. Вотъ приходитъ владѣлецъ кита съ помощниками, чтобы разрубить на куски животное; но пока нѣкоторые изъ нихъ взлѣзутъ на спину его, два мальчугана, сыновья хозяина, уже копошатся въ китовой пасти; вблизи стоятъ дѣти сосѣдей, посматриваютъ на своихъ друзей, но въ «чужое помѣщеніе» ихъ не влечетъ. Смотришь на эту картинку, и на память приходятъ заученные въ дѣтствѣ стихи Ершова, изъ «Конька Горбунка»: «На спинѣ (кита) сыръ боръ шумитъ, на хвостѣ село стоитъ, мужики на губахъ па-шутъ, между глазъ мальчишки пляшутъ»... Не совсѣмъ, правда, такъ, а мальчишки могли бы плясать... въ пасти, на спинѣ.

А «тѣви» (воръ) все-таки живетъ по сосѣдству съ рыбаками, и даже много ихъ; но эти воры не боятся и самыхъ строгихъ соренскриверовъ. Обидное прозвище дано островитянами чайкѣ-навознику (*Larus stercorarius*)—«тѣви» (воръ). Почему? Я думаю потому, что чайки вредятъ рыболовству, питаются преимущественно рыбою и, слѣдовательно, отнимаютъ у промышленниковъ часть добычи.

V.

Достопримѣчательность Торсхавна представляетъ садъ, въ которомъ лѣтомъ собираются по вечерамъ жители отдохнуть послѣ трудового дня. Нѣтъ въ этомъ саду ни яркихъ, пестрыхъ, душистыхъ цвѣтовъ, ни тѣнистыхъ аллей; напрасно вы стали бы искать здѣсь и стройныхъ кленовъ, коренастыхъ, могучихъ дубовъ, душистыхъ липъ или бѣлоствольныхъ красавицъ березъ,—торсхавнскій садъ жалокъ: деревца, приземистыя, но корявыя, гнутся къ землѣ.

Жители, все знакомые между собою, приходятъ въ садъ попросту: кого въ чемъ засталъ вечеръ, тотъ въ такой одеждѣ и бредетъ «въ зеленъ»; цвѣтные вязаные колпаки и рабочія куртки мужчинъ совсѣмъ подѣ стая простыми платьямъ и кофтамъ женщинъ, которыя, и отдыхая-то, не расстаются съ какимъ-либо рукодѣльемъ. Молодежь одѣвается понаряднѣе стариковъ, но и среди нея незамѣтно щеголей; иной молодецъ пожалуетъ даже безъ куртки или пиджака, прикрывъ сорочку лишь жилетомъ, и никому отъ этого никакого горя. Господинъ амтманъ, господинъ фогтъ и господинъ присяжный писецъ появляются въ свободное время среди гражданъ, кутаясь въ одѣяла: вечеръ-то свѣжій, надъ водой-то, вонь, закурился туманъ,—какъ не беречься! Представители власти запросто ведутъ себя съ горожанами, бесѣдуя съ ними о томъ, о семъ. Подойдетъ духовное лицо, и вотъ, смотришь, группа добрыхъ людей заводитъ мирный разговоръ и ведетъ его, не спѣша; громкая рѣчь не въ обычаѣ сѣверянъ; какъ тихо говорятъ амтманъ и духовное лицо, такъ же тихо говорятъ и простые островитяне; сдержанность проглядываетъ во всемъ и неторопливость. Такъ же тихо и расходятся всѣ по домамъ.

Только разъ въ году тихій Торсхавнъ какъ бы встряхивается и, принявъ праздничный видъ, оживляется,—въ день святого Олафа; св. Олафъ—норвежскій король (1014—1030 гг.), современникъ князя Ярослава Мудраго; въ бытность свою новгородскимъ княземъ Ярославъ женился на дочери Олафа, Индигердѣ, нареченной при крещеніи Ириною. Ирина (первая инокиня княжескаго рода на Руси) сопричислена къ лику святыхъ*).

*) Въ множествѣ Анна.

Ревностный распространитель христианства на сѣверѣ, св. Олафъ считается покровителемъ скандинавскихъ государствъ; его воспѣваютъ многочисленныя сѣгуръ (множ. ч. отъ *сага*), скалды (поэты), и еще въ XIII вѣкѣ монахъ Гуннлаугъ написалъ «Жизнь короля Олафа святого», изъ которой сохранились только отрывки.

Въ день св. Олафа (29 іюля) открывается въ Торсхавнѣ лагтингъ (народное представительство). Занятія въ фѣрерской думѣ продолжаются обыкновенно четыре недѣли, но въ случаѣ необходимости увеличиваются еще на двѣ недѣли; въ засѣданіяхъ предсѣдательствуетъ амтманъ, участвуютъ главный пасторъ и 18 народныхъ избранниковъ (на четырехлѣтній срокъ). Торсхавнская дума разбираетъ и обсуждаетъ предложенные копенгагенскимъ правительствомъ законы и вноситъ свои, и избираетъ одного представителя отъ Фѣрерскихъ острововъ въ датскій государственный совѣтъ (ландстингъ), между тѣмъ какъ население избираетъ прямыми выборами депутата въ государственную думу (фолькетингъ).

Всѣхъ Фѣрерскихъ острововъ 25 (изъ нихъ обитаемы 17). Площадь ихъ равна 1333 кв. килом. Населеніе не превышаетъ 13 тысячъ.

VI.

Ждутъ лоцманъ, рыбаки и восьмивесельный ботъ. Поплывемте къ острову Нользё (Наалзо), на которомъ мало живетъ рыбаковъ и охотниковъ, но зато множество птицъ. Островъ Нользё славится пріютомъ для морскихъ попугаевъ—тупиковъ-топориковъ; здѣсь ихъ цѣлыя стаи («базары»). Меня немного тревожитъ зундъ, отдѣляющій Стрёмъ отъ Нользё; эти торопливо несущіяся волны, эти водовороты—какъ хотите, прогулки между Фѣрерскими островами не похожи на прогулки по Волгѣ или въ окрестностяхъ какого-нибудь родного города, среди луговъ или въ каймѣ чернолѣсья, краснолѣсья...

— Насъ не потреплетъ?—спрашиваю я лоцмана, съ суровымъ лицомъ, обрамленнымъ рѣдкой бородкою, и съ красными щеками; на немъ кожаная куртка поверхъ теплой рубашки, охотничьи сапоги выше колѣнъ, подбитые гвоздями, а на головѣ обычный красный колпакъ изъ шерсти, въ какихъ изображаютъ на картинкахъ гномовъ и дѣдовъ, приносящихъ бѣтамъ рождественскія елки.

Старый лоцманъ спокойно смотритъ на меня и спокойно же отвѣчаетъ:

— Довѣрьтесь мнѣ: все сойдетъ благополучно. Итакъ, плывемъ.

Я знаю, что лучше всего довѣриться такому опытному лоцману, какъ мой Фридрихъ, который не пустится въ плаваніе, явно грозящее бѣдою; выросшій у океана, изучившій фіорды и умѣющій предугадывать

всѣ прихоти погоды, старый «пѣвитель моря» не станетъ понапрасну подвергать опасности ни своей, ни чужой жизни. И вотъ мы плывемъ, и на насъ медленно-медленно наплываетъ то фѣлль (косыя скалы), сплошь красноватая, тяжело погружающіяся въ синія воды зунда, то хамраръ и урдаръ, нестройныя или недостроенныя,—какъ будто бы великаны стали строить эти террасы на зависть людямъ и приводить въ стройный видъ обвалы, но морскому богу такая работа пришлась не по душѣ; разсѣялъ онъ строителей и повелѣлъ волнамъ злиться, кипѣть и, злая и кипя, бросаться на недоковченную работу. Среди этихъ дикихъ скалистыхъ громадъ чувствуется вліяніе бурь и пасмурныхъ дней. Вѣтры мѣшаютъ произрастанію деревьевъ; вѣтрамъ, «Стри бога внукамъ», помогаютъ облака и туманы (на Фэрерскихъ островахъ около 267 дней въ году дождливы),—вотъ почему растительность лишена яркости. Оттого, что Фэрерскіе острова бѣдны растительностью, въ незначительномъ количествѣ образуется на нихъ и торфъ, который необходимъ островитянамъ для топлива за отсутствіемъ дровъ; всѣ планктонныя богатства, всю красоту зеленыхъ водорослей фэрерскій житель отдалъ бы за лишній торфяникъ съ алѣющей или желтѣющей, смотря по времени, морошкой, сестрой малины, да за нѣсколько лишнихъ пластовъ каменнаго угля.

Среди гребцовъ Мартинъ искусно подражаетъ голосамъ топориковъ, олушъ (*Sula bassana*) и глупышей (*Fulmarus glacialis*). Лишь только чуткаго слуха его касался шорохъ на утесахъ, Мартинъ «подавалъ голосъ», на который откликались пернатые островитяне. Мало-по-малу они покидали свои гнѣзда и взлетали надъ нами, точно желая представиться намъ во всей красотѣ своего свободного, плавнаго полета; глупыши въ особенности величаво, горделиво и изящно летаютъ, хотя имъ не уступаютъ и олуши, то паря въ воздухѣ по-орлиному, то кружась какъ ястребы; но вотъ голоса ихъ уже совсѣмъ неприятны! Каркающая олуша напоминаетъ ворону, и водись эта птица у насъ, народъ, вѣрно, прозвалъ бы ее, какъ и ворону, вѣщуньей и думалъ бы, что олушино карканье предвѣщаетъ неприятность или бѣду.

«Карра... карра... карр...» Карканье, словно привѣтствіе и приглашеніе, несло съверху, и росъ шумъ на «трубахъ» *) и посреди нихъ; очевидно, въ птичьемъ царствѣ началась суматоха, и мудрѣйшіе среди топориковъ, глупышей и олушъ уже рѣшали, кто это къ нимъ плыветъ враги или гости?

— Чу, они зовутъ насъ въ гости, — прислушиваясь къ растущему птичьему гаму, промолвилъ Мартинъ съ улыбкою.

Фридрихъ выпустилъ изъ зубовъ трубку и отозвался: «Если зовутъ,

*) Трубами называются крутя, почти отвѣсныя скалы.

такъ ты и спроси, какъ къ нимъ полегче добраться» — и тоже улынулся старый лоцманъ.

Взглянуть на птичьи базары, оживленные, шумливые и пестрые, очень занимательно; еще занимательнѣе — гнѣзда, но восхождение къ нимъ представляетъ часто непреодолимья трудности и бываетъ до такой степени опасно, что кончается гибелью охотниковъ; барыши отъ птичьихъ перьевъ и пуха побуждаютъ фѣрерцевъ пренебрегать опасностями, но смерть сильнѣе отваги, и ежегодно она подкашиваетъ жизнь многихъ сборщиковъ, все большею частью молодыхъ и здоровыхъ людей.

Мы пробирались къ тупикамъ, такъ какъ олуши и глупыши предпочли гнѣзда на сѣверныхъ островахъ, куда все-таки доступъ и продолжительнѣе и труднѣе; на Наальзѣ гнѣздились лишь немногіе изъ нихъ, наиболѣе отчаянные или смѣлые, а можетъ-быть, и равнодушные къ жизни. Оставивъ въ тихомъ, затѣненномъ скалами уголкѣ ботъ, мы стали подыматься по скалистымъ «волчьимъ» тропамъ съ уцѣлѣвшими слѣдами нашихъ предшественниковъ; ихъ толкала навстрѣчу опасностямъ жажда поживы, меня влекло любопытство; я не охотникъ и не промышленникъ, но какъ было покидать *Перистые* острова, не увидавши близко *перья*? Островитяне ловко и легко карабкаются и лазаютъ по кручамъ; мы, жители равнинъ, лишены этой способности; мнѣ оставалось только восхищаться искусствомъ моихъ спутниковъ и мечтать, авось и я когда-нибудь постигну это искусство горныхъ жителей и серпъ скользнетъ надъ безднами, прыгать съ утеса на утесъ и карабкаться по острымъ или гладкимъ камнямъ шагъ за шагомъ отъ подножія до вершины. Впереди Фридрихъ; старикъ тянетъ еле слышно: «Gef oss i dag vort daglegt braud. Og eigi leid þú oss i freistni heldur frelsa oss frá illu» («Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесъ, И не введи насъ во искушеніе, но избави насъ отъ лукаваго»). Тянетъ и, углубленный въ свое пѣніе, не замѣчаетъ преградъ, какія природа ставила ему на каждомъ шагѣ. Впрочемъ, этихъ преградъ не замѣчали и Мартинъ съ товарищами; всѣ они поднимались какъ по лѣстницѣ, ступая съ камня на камень, съ моховинки на моховинку и просто предолѣвали такія хамраръ, какія мнѣ приходилось предолѣвать, опираясь на палку со стальнымъ наконечникомъ; въ то время какъ я едва поднялся надъ урдаромъ (обваломъ), они уже мелькали тамъ, вверху, надъ кручами, гдѣ скалы глядѣли дико, сурово, непривѣтливо, какъ смотрятъ сказочныя баба-яга и вѣдьмы; только одинъ изъ гребцовъ, Вальдемаръ, не покидалъ меня, указывалъ путь и въ наиболѣе трудныхъ мѣстахъ помогалъ мнѣ, хмуро улыбаясь при этомъ; и такъ же хмуро шутя. Хорошее настроеніе не покидаетъ васъ все время, несмотря на трудность и утомительность подъема. Сознаніе, что ты одолевашь природу и обращаешь трудное въ легкое, бодритъ и вливаетъ

въ тебя свѣжія силы... Тамъ, внизу, синія пелена воды, съ небесъ свѣтитъ солнце; возлѣ тебя живописная разбросанность скалъ; встрѣтилась на пути лиловая жирянка (*Pinguicula vulgaris*), — и съ какимъ удовольствіемъ останавливаешься надъ скромнымъ цвѣткомъ, затерявшимся среди скалъ!.. Съ радостью замѣчаешь и долинку, гдѣ трепещетъ рѣчушка и темнѣютъ нѣсколько хижинъ, а ихъ сторожатъ нѣжныя ивы; вѣется дымокъ изъ трубъ; слѣдственно, что-то тамъ стряпаютъ. «Freistni» (искушеніе)... Фридрихъ безъ устали проситъ Отца Небеснаго «не ввести его во искушеніе», хотя самъ же старый лодманъ захватилъ сътъ, а Мартину и Вальдемару приказалъ взять капаты. Они ихъ несутъ теперь, и несетъ сътъ Фридрихъ; безъ сомнѣнія, какъ только мы доберемся до колоніи тупиковъ, «фрейстни» (искушеніе) окажется сильнѣе остро-витанъ...

Между тѣмъ мы все ближе къ цѣли. Я замѣчаю это потому, что вода фіорда утратила цвѣтъ, и еще потому, что передовой нашъ ступаетъ осторожнѣе и осторожнѣе, чтобы отзвукомъ шаговъ по скаламъ не вызвать излишняго безпокойства и суматохи среди красноклювыхъ колонистовъ; надо теперь красться, едва касаясь твердынь. Дѣлаемъ привалъ на луговинкѣ. Нѣсколько овецъ, попавшихъ сюда ранѣе насъ, испуганно убѣгаютъ; морошка, алѣя тамъ и сямъ, такъ и просится въ ротъ; какъ не сорвать!.. Набравши въ шляпу ягодъ и позавтракавъ, я улегся на «хамрарѣ» и сталъ смотрѣть внизъ... Ба! да тамъ деревушка пріютилась! Было весьма пріятно отмѣтить находженіе этого рыбачьяго гнѣзда: есть хижина, есть и ночлегъ, во всякомъ случаѣ болѣе пріятный, чѣмъ подъ открытымъ небомъ. — «На обратномъ пути мы не минуемъ деревушки», рѣшилъ я про себя и заявилъ своимъ спутникамъ; согласіе было полное. Надъ деревней по утесамъ погуливали морскія ласточки. Отдыхъ конченъ. Опять взлѣзаемъ, карабкаемся, тревожа камни, которые отрываются и тяжело падаютъ въ воду, разбрасывая брызги. — «Осторожно! осторожно!» — командуетъ старый Фридрихъ, и мы подчиняемся ему, какъ какіе-нибудь казаки-пластуны начальнику. Каменистый крутой обрывъ смѣняется «урдаромъ» (обваломъ); ступишь на него, а онъ расползается во всѣ стороны, ноги скользятъ, скорѣе цѣпляешься за что-нибудь, чтобы не скатиться внизъ и не разбиться объ острія камней. Поднимешь голову, — тамъ ровная, застланная мхомъ, терраса; тамъ и травяной коврикъ, надъ которымъ топорщится кустикъ, рядышкомъ желтый коврикъ: это лютикъ разросся... Будто змѣйки вьются, — потоки... Терраса такъ и манитъ къ себѣ, и вѣдь кажется, до нея рукой подать, а на самомъ дѣлѣ карабкаешься, карабкаешься, и все же конца не предвидится пути и стараніямъ; хуже всего то, что вдругъ передъ тобою вырастаетъ неприступная скала; какъ тутъ быть? Фридрихъ уже наверху; сидитъ на камнѣ и

закуривает трубку. Побѣдитель!.. Мартинъ преодолевает затрудненіе, а я чувствую свое безсиліе. Какъ же быть? На помощь приходит Вальдемаръ: онъ бросает мнѣ канатъ съ петлею; я опоясываюсь ею, и сильные руки двоихъ молодцовъ, Вальдемара и его брата, тянутъ меня вверхъ. О, этакъ легко восходить! На мѣстѣ, которое мнѣ только-что казалось неодолимымъ, предѣломъ восхожденія, какъ Геракловы столбы,—на этомъ мѣстѣ я утрачиваю почву подъ ногами и, точно на качеляхъ, взлетаю: такъ искусно братья приподняли меня!.. Между тѣмъ, очевидно, мы почти у цѣли: за это говорить особый запахъ, это подтверждаетъ особенный шумъ, не похожій ни на шумъ потоковъ, ни на порывы вѣтра въ котловинахъ и среди гладкихъ, лоснящихся на солнцѣ камней. То своеобразный птичій шумъ. Еще немного, и мы въ царствѣ тупиковъ-топори-ковъ — морскихъ попугаевъ. Старый Фридрихъ шопотомъ подзываетъ меня. Осторожно, ползкомъ мы приближаемся къ пещерѣ, похожей, благодаря отдѣленіямъ, на улей съ готовыми сотами: тутъ гнѣзда топори-ковъ; подобно, напримѣръ, качуркѣ и глупышу, они кладутъ только одно яйцо; необходимо было сохранять крайнюю осторожность, дабы прежде-временно не вспугнуть высидивающихъ яйца птицъ. Онѣ выбрали мѣста для гнѣздъ помягче, углубили ихъ, и тѣ морскіе попугаи, которые могли, настлали травы. Фридрихомъ, очевидно, овладѣло «искушеніе»: онъ предупредилъ меня, что тупики насъ не подпустятъ къ самымъ гнѣздамъ, и тутъ же обнаружилъ свой тайные (хищническіе, или охотничьи) замыслы. Не успѣлъ я подняться, какъ онъ вспугнулъ птицъ; стая ихъ покинула, казалось, затаенныя гнѣзда и стала метаться надъ нами, укоряя и стыдя насъ за беспокойство; вслѣдъ за первою стаей сорвались съ мѣстъ и бросились въ высь другія, и мой Фридрихъ принялся ловить ихъ събѣю на длинномъ шестѣ; вскорѣ его добычу составляли пять тупиковъ; старикъ ограничился такимъ трофеемъ и рѣшилъ, что для полного торжества довольно будетъ еще только нѣсколькихъ яицъ; въ опустѣлыхъ гнѣздахъ ихъ ужъ не такъ было трудно взять! Между тѣмъ Мартинъ съ братомъ Вальдемара и другимъ товарищемъ отправились на охоту къ выступамъ и открытымъ утесамъ, къ которымъ вели узкія тропинки. Подцѣловавшись съ Фридрихомъ, они отправились, обѣщавъ намъ не играть своею жизнью и воротиться по первому нашему зову.

Взбираясь почти по отвѣснымъ скаламъ, съ еле замѣтными поро-жками или гранями, или карнизами на тиндарѣ, гдѣ гуляютъ облака, надо обладать отвагой и способностью смотрѣть прямо въ глаза смерти. Надъ головою небо, подъ ногами, если не океанская пучина, то скалистый хаосъ; слѣдовательно, неминуема гибель, если сорвался. Добравшись до тиндара (скалистой вершины) или до головокружительнаго хамрара (тер-расы), ловцы стараются распознать, есть ли въ этихъ мѣстахъ гнѣзда;

обыкновенно признаками служатъ отдѣльные пернатые летуны, какъ бы сторожа гнѣздовій; въ такомъ случаѣ, прикрѣпивши на вершинѣ или на террасѣ канатъ за верхній конецъ, спускаютъ на немъ добровольнаго, опытнаго и смѣлаго сборщика, вотъ какъ бываетъ у штукатуровъ и маляровъ; покачиваясь въ воздухѣ и держась за канатъ, сборщикъ скользитъ вдоль «трубъ», разсѣлинъ, пещеръ и углубленій, ища птичьи гнѣзда. Много при этомъ затрачивается силъ, не мало натерпишься и страха при каждомъ неловкомъ движеніи, но зато какъ здѣсь работники и цѣнятъ себя! Среди островитянъ пользуется уваженіемъ только труженникъ; онъ ходитъ съ гордо поднятой головой и вовсе не желаетъ знать, что на европейскомъ материкѣ цѣнятся, кромѣ того, гербы и титулы; фѣрерскій рыбакъ или птицеловъ не раболѣпствуетъ и не гнетъ спины ни передъ кѣмъ; онъ и не страшится никого; онъ всегда помнитъ, что довольствомъ и радостями, если онѣ живутъ съ нимъ, онъ обязанъ исключительно себѣ, своему трудолюбію, своей выносливости, своимъ мозолистымъ рукамъ.

Разыскавъ гнѣзда, сборщикъ достаетъ изъ нихъ птицъ и яйца; удастся схватить руками пернатого пустытника, — хорошо; если же видить, что такъ нельзя, то быстро и мастерски набрасываетъ петлю на птичью голову и тянетъ къ себѣ добычу. Приѣмъ варварскій! И надо быть очень неискреннимъ, чтобы утверждать, какъ это дѣлаютъ многіе, будто бы охота не противна христіанскимъ завѣтамъ; разумѣется, Мартинъ съ товарищами займется ловлей, какъ истые варвары. Мнѣ заранѣе жаль милыхъ морскихъ попугаевъ, и я прошу Фридриха не особенно медлить съ призывомъ тѣхъ; старый норманъ, не подозрѣвая смысла моей просьбы, утвердительно киваетъ головой, и когда я, немного погодя, замѣчаю стайку взлетѣвшихъ надъ скалами тупиковъ и, будучи увѣренъ, что это спутники мои потревожили ихъ, настойчиво предлагаю лоцману воротить птицелововъ,—Фридрихъ зоветъ ихъ. Они отзываются: «сейчасъ, моль, явимся». И дѣйствительно, они вскорѣ явились и принесли нѣсколько уже мертвыхъ топориковъ-тупиковъ—морскихъ попугаевъ и яицъ.

— Въ эйде (деревушкѣ) мы будемъ кушать яичницу изъ свѣжихъ яицъ!—торжественно сказалъ мнѣ Фридрихъ. Я ничего ему не отвѣтилъ но, отвернувшись, поморщился.

VII.

Вечеръ мы провели незамѣтно у очага въ деревенской хижинѣ; къ намъ присоединился маленькій старичокъ, похожій лицомъ на знаменитаго норвежскаго повѣствователя и драматурга Біорнстерна-Біорнсона;

кажется, старикъ это хорошо помнилъ и, по слабости человѣческой, былъ этимъ доволенъ; онъ оказался бродячимъ учителемъ; въ сопровожденіи собаки съ несомнѣнною обычною кличкою: «Önd» («Утка»), фэрерскій «Біорнстернъ-Біорнсонъ» бродилъ отъ селенья къ селенью, или, какъ онъ выразился, «отъ руки до руки» («агнт»), и сѣялъ «разумное, доброе вѣчное». Фэрерскіе острова—еще обширное поле для посѣва, такъ какъ среди населенія крѣпко держится вѣра въ «нежить»—въ злыя божества, въ таинственныя силы природы; нечистый духъ, по увѣреніямъ рыбаковъ, оборачивается въ кита, а то въ птицу, привлекаетъ охотниковъ въ тѣсныя и бросаетъ въ морскія пучины. Эти вѣрованія постепенно разрушаетъ учитель, безвѣстная пчела, чуждая зависти, почета, с. авы; разрушая эпоху народнаго младенчества, скромный, но беззавѣтный труженикъ раститъ народъ, раскрываетъ передъ нимъ, но мѣрѣ умѣнія и силы, тайны мірозданья, пока самого не возьметъ земля и скроетъ могильный холмъ; именно такимъ беззавѣтнымъ носителемъ свѣта, такую пчелой-работницей явился передо мною старикъ учитель. Познакомившись со мною, онъ счелъ нужнымъ представить мнѣ и «Утку». У нея была лисья морда, стоячія уши и пушистый, раскидистый хвостъ; рыбный столъ былъ ей впрокъ, такъ какъ «Утка» не смѣла пожаловаться на худобу; права она была тихаго, и едва вошла въ хижину, улеглась на полу близъ огня и тотчасъ сладко задремала. Такихъ собакъ я видѣлъ на Амурѣ въ гиляцкихъ деревняхъ; онѣ не лаютъ, а воютъ: сказывается волжье родство. Учитель почему-то захотѣлъ сообщить мнѣ, что его другъ «Önd» не зауряднаго происхожденія; я согласился, хотя опущенный (а не загнутый влѣво) хвостъ наврядъ ли подтверждалъ собачью родovitость. А впрочемъ, я не знатокъ и готовъ признать въ «Уткѣ» потомка даже воспѣтаго Гомеромъ Одиссеева Аргоса,—мнѣ все равно!

Бѣлая ночь глядѣла въ окна, когда мы укладывались спать. Утромъ предстояла поѣздка къ Стремѣ, а оттуда въ Эстерѣ.

— Пользуясь «бальдомъ», мы объѣзжаемъ острова и дѣлаемъ смотръ птицамъ,—говорю я учителю.

Онъ улыбается и говоритъ:

— Brodir («Біорнсонъ» киваетъ на стараго лодмана) прикидывается робкимъ. Что ему «бальдъ», коль онъ справляется и съ бурей?

Мнѣ пришелъ на память Гоголь: «все падаетъ ницъ передъ этими малолюдными пришельцами, воспитанными бурей, морями, страшною бѣдностью Скандинавіи и дикою религіею»;—такъ писалъ онъ о норманяхъ; и я начинаю думать, послѣ замѣчанія учителя, что старый Фридрихъ заботится, какъ любящій братъ (brodir), только обо мнѣ, когда говоритъ о «бальдѣ», а что самъ онъ больше любитъ порывы, шумъ буйнаго вѣтра, даже бурю, чѣмъ затишье.

Въ виду становища Гвиденесъ съ обычными постройками и неизмѣннымъ дурнымъ запахомъ, мимо сонныхъ скалистыхъ площадей, на которыхъ встарину народъ обсуждалъ общественныя дѣла, т.-е. волновалось вѣче,—мы скользимъ въ своей «галерѣ» по тихому лону Колафьёрдуръ по направленію къ Эстерё. Въ узкомъ коридорѣ съ зеленовато-синею влагою, вмѣсто сухой земли, какъ-то душно; коричневый отливъ скаль утратилъ притяженіе новизны, какъ и мохъ, и верескъ, и встрѣчи съ отдѣльными представителями дичи. Морская ласточка и морской попугай, перелетѣвшіе намъ наперерѣзъ, не остановили ничего вниманія,—не то, что сѣрая цапля, которая раздумчиво бродила въ одной котловинѣ около болота: залетная гостья вызвала удивленіе даже у Фридриха и у Вальдемара; ясно, что имъ не часто случалось видѣть этихъ сѣрыхъ хищницъ, а Мартинъ признался, что съ такою птицею онъ не можетъ «разговаривать». Впослѣдствіи оказалось, что онъ не можетъ «бесѣдовать» вообще съ пернатыми гостями, рѣдко залетающими на Фэеры, какъ напр. съ поганками (*Podiceps cristatus* и *P. minor*) и съ саджами (*Syrnhaptes gadoxus*). Попался навстрѣчу рыбакъ изъ Клаксвика въ такомъ угломъ челнѣ, что его, казалось, могла бы опрокинуть любая гагара; почтенный островитянинъ везъ рыбу и за три сигары отдалъ намъ крупнаго ската, изъ котораго на Эстерё намъ приготовили вкусное блюдо.

По случаю воскресенья въ эйде (деревня) можно было услышать народныя пѣсни, меланхолическія, какъ у малороссовъ, видѣть танцы подь скрипку и любоваться старинными головными уборами, придающими голубоглазымъ, свѣтловолосымъ островитянкамъ весьма своеобразный видъ; фэерскія женщины еще сохраняютъ и старинный костюмъ, хотя время, конечно, беретъ свое и вытѣсняетъ все то, что любили предки, замѣняя новымъ, повсемѣстнымъ и, будто бы, лучшимъ. Сборчатое или гладкое, плотно облегающее станъ, платье расшито цвѣтами либо узорами; такими же (серебряными) цвѣтами и узорами обшиты рукава, воротники и грудь до пояса, который бываетъ и серебряный и даже золотой, узорчатый, у кого и съ камнями (кстати, на Фэерскихъ островахъ находили: халцедонъ, опалы и другіе минералы); вычурныя серьги и медальоны съ бархаткою вокругъ шеи дополняютъ своеобразность островитянки, но главное заключается въ золотой каскѣ-діадемѣ; она покрываетъ голову, а отъ этой каски до земли спадаетъ кружевная сѣтка; этакая діадема придаетъ ея носительницѣ осанистый видъ; фэерская красавица въ старинномъ костюмѣ, дѣйствительно, царственно-величава, а когда танцуетъ, выступаетъ настоящей лебедушкой: плавно, степенно, исполненная прелести.

Прелестна и вся обстановка народнаго веселья; васъ, случайнаго зрителя, оно не оскорбитъ ни проявленіемъ рѣзкости, ни выраженіемъ

грубаго дурачества; фэерерцы любятъ трудъ, но любятъ и потѣху; и какъ, работая, они уже ни о чемъ больше не думаютъ, такъ и, отдаваясь веселью, они отдаются ему всецѣло; въ этомъ отношеніи островные датчане близки къ голландцамъ. Э. Реклю былъ правъ, когда писалъ объ этихъ послѣднихъ: «Когда голландцы веселятся, они веселятся отъ души; они вполнѣ отдаются радости и шуму. Присутствуя на народныхъ праздникахъ, охотно вспоминаешь о картинахъ фонъ Остаде, Тевьера, Броувера, Стеена и другихъ голландскихъ мастеровъ». То же самое, слово въ слово, можно отнести и къ фэерерцамъ. На смѣну веселому воскресенью является понедельникъ,—и куда дѣвалось вчерашнее настроеніе. Всѣ принимаются за работу въ строго опредѣленной часъ, и не подозрѣвая, что есть на свѣтѣ страны, гдѣ веселье сопровождается похмельемъ, гораздо болѣе продолжительнымъ, чѣмъ само оно...

Леервигсфёрдь отдѣляетъ Эстерё отъ Бордэ, но описывать этотъ пустынный островъ — значить повторять старое. Голыя, безжизненные скалы, рѣдкіе оазисы, скученныя хижины рыбаковъ, безобидныя овцы, неугомонныя теченія и птицы, птицы, птицы... Развѣ это ново для насъ? Съ угрюмага тиндара острова Бордэ развертывается, какъ великая, огромная, безконечная харгія, гладь Атлантическаго океана; вонъ, точно гигантскій бегемотъ, вышелъ изъ океанскихъ нѣдръ безцвѣтный островъ Кальзё, его сосѣдь о. Кунё затаилъ среди скалъ прямо чертовы долины, а дальше островъ Віэ — край свѣта, гдѣ жители не умѣютъ смѣяться, страшатся Бога менѣе, чѣмъ бурь, и все таки упрямо твердятъ, что «въ цѣломъ мірѣ нѣтъ страны лучше Фэерерскихъ острововъ». Во время тумановъ, застилающихъ эти острова, сѣверные рыбаки оказываются, точь-въ-точь, какъ подъ облаками; туманы бродятъ тамъ и тутъ, ползутъ по горамъ, стелются по землѣ. «Тогда къ намъ ближе Богъ», — говорятъ отрѣзанные отъ міра. Они прячутся въ свои хижины, гдѣ не гаснетъ въ это время очагъ, и въ теченіе цѣлыхъ недѣль ждуть, когда прояснится и можно будетъ заглянуть на сосѣдніе острова къ добрымъ пріятелямъ и родственникамъ. Въ сумеркахъ безвременья рыбаки отдыхаетъ, забывается съ дѣтворой и усиленно читаетъ библію. И, повидимому, на невольнаго узника никакъ не влияетъ крикъ пуффиновъ (*Puffinus anglorum*), рѣвющихся на просторѣ; напротивъ, олуши и глушыши не любятъ тумановъ и, забравшись въ гнѣзда, терпѣливо выжидаютъ болѣе или менѣе ясныхъ дней; такая терпѣливость тѣмъ болѣе похвальна, что глушышь чревоугодникъ, а олуша прямая обжора; зато съ наступленіемъ вѣдра они безъ устали рѣютъ надъ океаномъ, ныряютъ, плаваютъ и, отдыхая, покрываютъ собою темныя скалы какъ будто бы бѣлымъ одѣяломъ.

Фридрихъ передалъ письма, газеты и посылки жителямъ въ гавани Бордэ, и, отдохнувъ какъ слѣдуетъ, мы пустились въ обратный путь.

Опять надо было теряться то въ узкихъ, то въ болѣе широкихъ морскихъ улицахъ, проѣзжать чрезъ построенныя Вседержителемъ ворота между Кальзё и Эстерё, чувствовать все свое ничтожество въ угрюмо величественной анфиладѣ нѣмыхъ залъ Коллафьёрдура; снова выплывали оазисы, деревушки, скрывающія въ своихъ домикахъ тружениковъ и честныхъ людей, вся жизнь которыхъ — борьба со стихіями; возставали, словно желая преградить намъ путь, мысы; скалы, казалось, выдавались впередъ и грозили намъ своимъ паденіемъ; опять взоръ отдыхалъ на серебристыхъ ручьяхъ, травянистыхъ и цвѣточныхъ коврахъ и робкихъ въ своемъ ростѣ деревьяхъ; вновь встрѣчи съ рыбаками и съ членами птицѣихъ семей, и въ концѣ концовъ тихій Торсхавнъ.

Черезъ двѣ недѣли пришелъ пароходъ. Отъѣздъ... Манила изъ гиперборейской дали «страна льда», Исландія, но съ большею силою влекло не на сѣверъ, а на югъ, къ роднымъ предѣламъ; хотѣлось на престоръ, не скованный никакими скалами, хотѣлось въ настоящій дремучій лѣсъ или боръ, хотѣлось подышать вольнымъ воздухомъ широкой русской нивы... Пароходъ даетъ послѣдній свѣтокъ. Я посылаю прощальный привѣтъ трудовымъ муравейникамъ, зубчатымъ вѣнцамъ однихъ острововъ и плоскимъ вершинамъ другихъ, милому въ своей простотѣ Торсхавну, Трангсваагу, дальнему Мёгенесу; кланяюсь совсѣмъ молчаливому Кёркябё съ обросшими травой забвенія развалинами древняго храма, а мысли между тѣмъ несутся далеко впередъ. На пароходѣ еще не улеглась суета, которая обычно поднимается при отъѣздѣ; всякъ старается что-то, когѣ-то увидѣть. Постой, есть на пароходѣ исландцы, или нѣтъ ихъ? Отъ этого зависитъ исполненіе: «Древняя Изафольдъ». Фареры все отдаляются, но съ нами не желаетъ разстаться пuffedinъ; чайки, разумѣется, не отстаютъ отъ парохода.

Древняя Изафольдъ,

Отчизна...

Чу! значить, и на этотъ разъ исландцы прославятъ ее? Нѣтъ, эт матросъ началъ было и смолкъ...

Навстрѣчу намъ уже надвигается пустыня.

Павелъ Россіевъ.

(Изъ № 9—10 журнала «Естествознаніе и Географія» за 1906 годъ).

40 КОП.